

№389 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

«И враги человеку домашние его!»

И вновь звучат в православных храмах эти возмутительные слова Иисуса, сильно вдохновляющие безбожников: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Мф.10,37).

Зря, на самом деле, торжествуют скептики – всё верно сказано. Уже в древне-греческой языческой культуре оформился приоритет **истины** перед авторитетом близких. «Amicus Plato, sed magis amica Veritas» - «Платон мне друг, но истина дороже».

«Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Ин.14,6) - говорил Иисус. **Христос** есть истина, поэтому-то Он и всех дороже. В гораздо более широком, конечно, смысле, чем по Марксу, определяющему истину как «идеальное воспроизведение действительности в познании». Нет, Христос, не только и не столько «Истина» теоретическая, умозрительная, но, в первую очередь, **нравственная**.

Если папа просит доченьку сунуть пальцы в розетку – не надо слушаться только потому, что это папа. Скажете - такого не бывает. – Всякое случается. *О.Иоанн*: «У меня есть приятельница – сказочно красивая в девичестве, мамочка которой в своё время настояла на аборте. Девушка, в общем, умная, но мать послушалась (поставив родительницу выше истины), и это оказалось самой большой трагедией в её жизни. Уже более 30-ти лет она бесплодна, больна и одинока».

Не всегда легко отдать предпочтение Истине-Христу перед домашними своими. Ну как же уйти от мужа-красавца, кормильца, промышленяющего рэкетом. Как отказаться от отца – судьи-взяточника, обеспечивающего безбедную обеспеченность, инфантильному мужу развестись с женой-аферисткой, отчуждающей квартиры у доверчивых пенсионеров!

Задача не из лёгких, но её решить призывает Сам Христос: Он говорит: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь - с матерью ее, и невестку - со свекровью её...» (Мф.10,35).

«Ненастоящие» люди

Подчёркивали мы с вами тот факт, что в любом, даже дикарском, даже преступном сообществе людей есть понятия об элементарных нормах нравственности. В уголовном мире это называется «жить по понятиям». Нельзя, например, воровать у своих. Это будет – «крысятничеством». Храмы нельзя обворовывать, и так далее.

То есть даже уголовники понимают, что есть какие-то границы морали, за которые выходить нельзя, что есть некий общий круг вполне элементарных, действительно очевидных норм, которых должны держаться все. Потому что, если эти элементарные нормы перестанут соблюдаться, значит, такое общество ждёт крах, оно не в состоянии существовать дальше.

Даже у пигмеев – у народа, который знать не знает никаких этических теорий, никакой философии, у них и письменности нет, - тем не менее, есть тот же набор железных правил. Нельзя убивать, нельзя друг у друга без спросу ничего брать, нельзя изменять семье, нельзя оскорблять своих предков. Эти нормы присутствуют в любом сообществе, потому что от этого зависит прямая гарантия жизнеобеспечения. Чтобы жить – надо это соблюдать.

И среди вот этого списка – что мы должны, а чего нельзя, - есть вещи вполне самоочевидные, ведь, казалось, понятно, что убивать нельзя, воровать нельзя, предков обижать нельзя. Но почему люди и от этих норм так нередко всё-таки отказываются? Почему представление о самом содержании этих норм не такое устойчивое и часто колеблется? Почему так легко люди ограничивают объем, сферу действия этих правил?

Вот знаменитый пример с графом Вронским из «Анны Карениной» - там такой хрестоматийный пример в курсах нравственного богословия. Граф Вронский был, как известно, во-первых, дворянином, а во-вторых, гвардейским офицером, то есть держался вполне определённого кодекса чести. Этот кодекс чести предполагал, например, что долг (имеется в виду – денежный долг) - это долг чести, поэтому долги надо отдавать. Следовательно, если человек проиграл за картами энную сумму, то он должен хоть в лепёшку разбиться, но в течение суток этот карточный долг, сколь бы велик он ни был, возместить. Однако же, если сапожник третью неделю приходит и требует уплаты за отремонтированные сапоги, то вот ему можно и не отдавать, ведь это – всего лишь сапожник. И так далее.

А возьмём шире – откуда вообще берутся подобные множественные кодексы набора этических правил? Мы-то плясали от того, что эта система норм настолько самоочевидна, что, по идее, она должна быть, в общем, одна для всех людей, ну, разве что с небольшими вариациями. Ан нет – вот же, какая-то разница существует... Вот у графа Вронского **один** кодекс чести, а, например, у самураев – совсем другой. При всем том, что они тоже считали, что убивать без надобности не надо, но если твой сюзерен, твой хозяин скажет: «Вот этого человека надо убить», то нельзя не послушаться хозяина. Надо убивать, потому что хозяин так сказал – или же ты считаешься обеспеченным. Ну, разве что, сделаешь себе харакири... Ибо кодекс чести самурая предполагает беспрекословное подчинение тому, кому ты служишь. Он по жизни – твой отец, верховный авторитет, поэтому, если ты с ним вошёл в противоречие, находясь у него на службе, есть только один выход, достойный самурая - это достойно уйти из жизни и тем прекратить вот это напряжение. Другого выхода нет.

Почему? Они что, не такие же люди, как все остальные? – такие же. Люди все одинаковые в том принципиальном измерении, которое мы обсуждаем, иначе вообще нет смысла это обсуждать.

Тогда чем объяснить, что вот, например, обманывать вообще-то нельзя, но обманывать нельзя

только людей своего круга, таких же гвардейских офицеров, а сапожника, например, можно? Или женщину обмануть можно, причём, понятно, в каком смысле - не торговку на рынке, а понятно, что имеется в виду.

Почему? Стоит вдуматься. Ведь кодекс чести гвардейского офицера - это кодекс людей, которые за нарушение этого кодекса кровью могли бы изойти, только бы не дать уронить достоинство и честь мундира. Так в чём же здесь дело?

Может быть, всё не так просто, может быть, этих самоочевидных норм - такой минимум, что люди в принципе друг с другом никогда не договорятся? Что здесь происходит? Где тот некий механизм, который здесь действует? Если он есть, такой универсальный механизм, который позволяет объяснить вышеупомянутые отклонения, тогда можно говорить спокойно, тогда можно было бы свести основные этические правила в некий единый кодекс. Если этого универсального механизма не существует, если мы этого не объясним, то цепляться за это смутное чувство, за благодатное предчувствие ценности бытия, не очень-то получится. По крайней мере, придётся делать большую скидку на то, с какой традицией, с какой культурой ты имеешь дело.

Вообще, то, с чём мы сейчас имеем дело, описывается в следующих категориях: это объём и содержание этического правила. Объём этического принципа - это то, на какой круг людей он распространяется, а содержание этического принципа - это то, что он означает. Вот когда говорят: «Не убий», то, чего нельзя делать - вот это и будет содержание. А объём - это, соответственно, кому нельзя это делать, и по отношению к кому подобное деяние будет означать именно убийство, а не что-нибудь другое.

Итак, откуда берётся такое вот мировоззрение, такое зауживание этики - возвращать долги в своём кругу надо, а сапожнику - не надо (это как пример)? Одних обманывать можно, а других - нельзя, при том, что понятно, что обманывать вообще-то нехорошо? За счёт чего достигается вот это зауживание? За счёт чего сокращается сфера действия правила?

Подсознательно, в общем, человек или сообщество, которое принимает вот это неоправданное манипулирование объёмом и содержанием этических правил, протаскивает очень банальную идею. Снова сошлёмся на знаменитый «Скотный двор» Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие». Иначе говоря, есть люди, и есть другие люди. Есть настоящие люди, а есть не настоящие люди. Есть люди первого сорта, второго, третьего и так далее. И тогда очень легко идти дальше. На людей первого сорта распространяется то, что их недопустимо убивать, их недопустимо обкрадывать, их недопустимо обманывать. Но вот почему граф Вронский думает, что женщину можно обманывать? Потому что он исходит из средневековой окрашенной посылки: «Женщина - не человек». По крайней мере, не человек в том смысле, в каком смысле человек гвардейский офицер. Даже не мужчина, потому что сапожник тоже мужчина, но он - сапожник.

Самое противное, что эта разница, и, соответственно, этот ранжир, распространяется на такое понятие, как человеческое достоинство. Вот возьмём, например, известные свойства очень многих основных законов, скажем, франкского королевства, или законы Хаммурапи. Что там всегда бросается в глаза? Какой ущерб полагалось возмещать за убитого смерда? Соответственно, сперва у франков? Пять условных единиц. А если убит княжеский дружинник? Возмещение в несколько раз больше. Почему? С одной стороны, понятна социальная логика. Сложно себе представить, что каждого из нас надо охранять также тщательно, как, например, главу государства. Потому что, ежели случится что с главой государства, то вся страна придёт в некое замешательство. А если случится с кем-то из нас, то это будет все-

го лишь личная трагедия. В социальном смысле, в смысле таких понятий, как социальная стабильность и благосостояние, это понятно. Так что естественно, что в государственном бюджете будет предусмотрена специальная статья расходов на безопасность высших должностных лиц - спецслужба, охрана и прочее.

Но если кто-то всерьёз начнёт доказывать, что президент, премьер-министр и прочее в любом государстве как человек в большей степени является носителем человеческого достоинства, чем рядовой гражданин этого же государства, то этот человек будет самым прямым образом перевертывать реальность.

Человеческое достоинство нам всем присуще в одинаковой степени. По природе нашей, так сказать. Конечно, мы можем по-разному соответствовать этому достоинству, это другой вопрос. Но достоинство как таковое, звание человека, или, выражаясь по-библейски, образ Божий, - у нас у всех есть. Он может выглядеть по-разному, может быть в разной степени искажён, но как факт присутствует у всех. Именно он делает человека человеком. Именно в этом смысле можно говорить о таком параметре, как достоинство. Поэтому, если кто-то скажет, что в смысле социальной значимости толковый администратор значит больше, чем мойщик в автосервисе, то он будет прав. Но в некоем абсолютном смысле - это одинаковые люди. И покушение на достоинство каждого из них должно абсолютно равным образом отметаться. Почему какой-нибудь франкский король, Хлодвиг или Карл Великий, смешивал социальную значимость с достоинством? Потому, что он себе мыслит положение дел таковым, что положение человека, занимаемое им в обществе, прямо свидетельствует о его достоинстве. На какой ступени социальной лестницы он стоит - столько он и стоит. Есть замечательное американское выражение - «мой босс стоит столько-то». Вообще-то это выражение допустимо, в том смысле, в каком вполне допустимо мерить человеческое состояние. Но тут имеется в виду не состоятельность как человека, а его социальные возможности или наличное имущество.

Итак, вот такой имеется перекокс в человеческой психологии. А откуда эта идеология, она ведь неспроста появляется? Действительно, ну что такое Анна Каренина, пусть и жена высшего сановника, в масштабах Российской империи? - ноль без палочки. Бесплатное приложение к тайному советнику Каренину. Или - к тому же Вронскому. Потому что на этих людях держится страна. Убери завтра из гвардии Преображенский полк - смута начнется. А убери завтра всех фрейлин императрицы со двора - ничего страшного, других можно легко набрать. По крайней мере, никакого потрясения не случится - ну, конфуз маленький. Сапожнику не отдал долг - это, вроде как, и не долг, какой может быть долг у гвардейского офицера перед сапожником, пусть будет счастлив, что не побили. Или пусть будет счастлив тем, что ему заказали сапоги починить. Вот так.

И если мы с вами внимательно обратимся к себе самим, то наверняка что-то подобное обнаружим и в сфере своих взаимоотношений с людьми. Кто-то достоин нашего внимания, а кто-то нет. С кем-то мы можем быть формальными, с кем-то строгими, а с кем-то мы обязательно будем предельно учтивы. Кому-то мы можем пообещать и не выполнить обещания, а для кого-то готовы в лепёшку разбиться, чтобы угодить. Может, это будет как-то по-другому выражаться, но, как правило, у нас нет равного отношения к людям. И не обязательно здесь будет иметь значенные выгоды. Просто для нас вот этот - настоящий человек, а вот этот - ненастоящий. Впрочем, часто бывает, что проходит время, и отношения меняются с точностью наоборот. Думаю, не нужно говорить о том, что эта наша черта не из лучших.